Лидия Чарская

Лизочкино счастье

Лидия Алексеевна Чарская

Лизочкино счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635955
Лидия Чарская. Повести и рассказы :

Аннотация

Лиза ничего не видела со сцены. Лишь только она перешагнула порог, то словно позабыла, что она, Лиза, играет в последний раз, что на завтра ее ждет отъезд и прощанье с друзьями, а через два, три дня она увидит маму… И радость, и горе, и незнакомое будущее – все это было забыто Лизой. И сама она уже была больше не Лиза, а сиротка Маша, которую странствующие акробаты крадут у её больной матери. Она страдала страданьями Маши, которую мучили и били за то, что она не умела проделывать замысловатые штуки, которые требовал от неё хозяин. Судьба Маши была похожа на судьбу Лизы – и это много помогло девочке в её игре. Она играла так хорошо, как редко могла бы играть настоящая взрослая актриса…

Содержание

ГЛАВА I 4
ГЛАВА II 8
ГЛАВА III 10
ГЛАВА IV 13
ГЛАВА V 16
ГЛАВА VI 18
ГЛАВА VII 21
ГЛАВА VIII 23
ГЛАВА IX 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Лидия Алексеевна Чарская
Лизочкино счастье

ГЛАВА I
Встреча в ненастье

Стояла ненастная осенняя ночь. Сильный ветер безжалостно кружил по воздуху хлопья мокрого снега, фонари жалобно мигали на мало-освещенных улицах, а редкие пешеходы торопились в свои дома, чтобы укрыться от ненастья.

Из ворот большого четырех этажного дома выбежала девочка, укутанная с головою в теплый байковый платок, мало, однако, предохранявший ее от холода и сырости, и опрометью бросилась вдоль улицы, по направлению к освещенным окнам аптеки.

Достигнув подъезда аптеки, девочка высвободила из-под платка ручонку и изо всей силы стала стучаться в дверь.

Но на стук её никто не выходил на крыльцо и, несмотря на усиленные удары маленькой ручки, все было по-прежнему тихо и спокойно за дверью.

– Господи, – невольно пронеслось в головке стучавшей девочки, – что же делать? Ведь если меня но услышат в аптеке, – мама останется без лекарства, а ей так плохо приходится по ночам, когда она не принимает микстуры, которую прописал доктор!..

Девочка еще сильнее принялась колотить крошечными кулачками в дверь.

Усилия её не прошли даром. За дверьми послышалось шлепанье туфель, щелкнула задвижка и на пороге, перед лицом смущенной девочки, предстал сгорбленный старик-аптекарь с сердитым, заспанным лицом.

– Что случилось? Что такое? Зачем ты так отчаянно стучишь в дверь, когда есть звонок? – сердито закричал он на девочку, – и кто же так поздно приходит в аптеку? По ночам надо спать, а не тревожить людей. Целые ночи напролет не дадут покоя!

– Ах, простите Бога ради, добрый г-н аптекарь, – взволнованно произнесла оробевшая девочка. – Моя мама очень больна, она все время кашляет; лекарство все вышло час тому назад, а ей надо принимать его непременно, иначе болезнь ухудшится за ночь. Сжальтесь, пожалуйста, и сделайте микстуру. Умоляю вас! Вот вам рецепт. Не откажите, добрый г-н аптекарь, приготовить лекарство, хотя теперь и поздно.

Нежный голосок ребенка, полный мольбы, должно быть, тронул старого аптекаря. Он поднес к глазам рецепт и, прочтя его при свете фонаря, горевшего у дверей аптеки, сказал уже далеко не тем сердитым голосом, каким говорил с девочкой раньше:

– Ладно. Лекарство будет через час готово, войди сюда в аптеку и обожди.

– Спасибо вам, господин аптекарь, – сказала обрадованная девочка, – но не беспокойтесь, пожалуйста, я могу подождать и на крыльце.

– Ну, ну, глупенькая, – уже совсем ласково произнес старик, – видишь, какая непогода! Войди, обогрейся. А я тем временем приготовлю твою микстуру… Вот и еще кого-то Бог несет сюда, – вглядываясь в противоположную сторону улицы, заключил он…

Действительно, минуты через две на крыльцо аптеки входил новый посетитель, закутанный в теплую шубу, в высокой меховой шапке на голове.

– Здравствуйте, Антон Карлович, – проговорил вновь прибывший, – будьте добры, отпустите мне касторового масла. Мой Павлик объелся и заболел желудком.

– Ах, это вы, Павел Иванович! – любезно проговорил аптекарь, – что же это такое опять произошло с вашим Павликом? На прошлой неделе у него болели зубы, три дня тому назад вы приходили за лекарством от желудка, и сегодня снова! Право, можно подумать, что ваш сынок заболевает так часто для того только, чтобы как можно больше заказов доставлять моей аптеке, – заключил, добродушно смеясь, старик.

– Да, мой Павлик действительно ужасно часто болеет, – сокрушенно вздохнул ночной посетитель, следом за хозяином входя в аптеку. – А это что за хорошенькая малютка? – неожиданно воскликнул он, увидя дрожащую от холода девочку, присевшую, в ожидании лекарства, в дальний угол комнаты.

Большой, неуклюжий платок сполз теперь с её головки и чудесные золотистые волосы красивыми локонами упадали ей па плечи, обрамляя, точно золотой рамкой, бледное, худенькое, но замечательно кроткое и ласковое личико с большими выразительными глазами.

Девочка была в самом деле прехорошенькая и невольно привлекала к себе внимание.

– Почему, малютка, ты так поздно пришла за лекарством? Верно заболел кто-нибудь из твоих родных? – ласково обратился к девочке незнакомый господин в шубе.

– Моя мама очень больна и её лекарство все вышло, – ответила девочка, привстав со своего места.

– А разве нельзя было кого-нибудь другого послать за лекарством ночью, в такую погоду? – продолжал спрашивать незнакомец.

– У нас никого нет: мы живем одни с мамой, – ответила девочка.

– А, это другое дело, – заметил тот, не переставая смотреть внимательно на маленькую посетительницу.

– Славная девочка, – сказал он, обращаясь к аптекарю, – вот кому бы быть Золушкой, принцессой, Спящей царевной или Красной Шапочкой! Не так ли, Антон Карлович?

– Вполне с вами согласен, – подтвердил аптекарь, глядя на нее в свою очередь. – Я даже убежден, что она была бы куда лучшей Золушкой, нежели ваша злющая Ведрина.

– Да, Ведрина, не годится больше в Золушки, – подтвердил незнакомый господин, – я давно ищу кем бы ее заменить. Она уже выросла настолько, что не помещается в золотую карету, в которой должна являться Золушка на бал короля. Притом она доставляет нам с женою много хлопот, – прибавил он, – постоянно капризничает, ленится, бранится, не слушается, да еще вдобавок и обижает Павлика.

– Да, ваша Ведрина вздорная девочка, – согласился аптекарь. – Я ее знаю с тех пор, как она жила еще у родных и бегала ко мне за лекарством для своего больного отца. Поверите ли, никогда толком, вежливо не спросит чего ей надо, а нашумит, накричит так, что после неё долго болят уши.

– Да, все, положительно все жалуются на нее, – сказал господин в шубе.

Затем он опять посмотрел на девочку, ожидавшую лекарство, и сказал:

– Да, да, из тебя, моя крошка, вышла бы чудесная Золушка, Красная Шапочка и принцесса Босоножка. Я в этом убежден.

Девочке было очень неловко от пристального взгляда незнакомого человека и потому она крайне обрадовалась, когда аптекарь подал ей, наконец, склянку с микстурой и, приняв от неё положенную плату, кивком головы дал ей понять, что она может идти домой.

В душе девочка очень удивлялась тому, что незнакомец находит в ней сходство с Золушкой, Красной Шапочкой и принцессой Босоножкой. Слова незнакомца очень заинтересовали девочку, но спросить объяснения она не посмела.

Она знала, что Золушка, Босоножка и Красная Шапочка – сказочные лица, читала про них не раз в книжках, но почему чужой, незнакомый барин называет ее их именами, – она никак не могла понять.

А незнакомец между тем, очевидно, заинтересовался девочкой: он расспросил ее подробно об её больной матери, о том, где и как они живут, есть ли у нее родные и, вынув из кармана крошечную книжку, записал в ней подробный адрес дома, где жили девочка и её больная мать. На вопрос девочки, зачем он это делает, незнакомец сказал, что придет к ним завтра и принесет такое средство, которое, как он думает, должно будет непременно помочь больной лучше всех микстур и капель, которые она принимает.

Девочка, до этой минуты робевшая под пристальными взглядами незнакомца, при высказанном им желании помочь её маме, сразу просияла и, ласково простившись с ним, как с хорошим знакомым, еще раз поблагодарила его и аптекаря и с легким сердцем побежала домой, где ее ждала больная мать.

ГЛАВА II
Больная мама. – Лизины заботы

Холод, сырость, снежные хлопья и ветер снова захватили девочку, лишь только она очутилась на улице. Но Лиза (так звали ее), казалось, и не замечала ненастья: ее занимала радостная мысль о том, что она достала, несмотря на поздний час, лекарство для мамы и, вдобавок, что-то в её душе говорило ей, что незнакомый господин сдержит свое слово и принесет обещанное средство, от которого непременно выздоровеет её дорогая мама. Незаметно добежала она до ворот большого дома и взобралась по узкой, кривой и темной лестнице на самый чердак, где они с матерью нанимали крошечную комнатку под крышей.

Отворив скрипучую дверь, Лиза вошла. Свечной огарок, воткнутый в бутылку, слабо мерцая, освещал холодную, пустую комнату с постелью, столом и двумя поломанными стульями, составлявшими единственную их мебель.

– Это ты, Лиза? – послышался слабый голос из дальнего угла комнаты, лишь только девочка переступила порог, – наконец-то ты вернулась! Мне так было грустно без тебя. К тому же я боялась, как ты доберешься в такую непогоду.

– За то, мамочка, я принесла тебе лекарство, – стараясь говорить весело и спокойно, чтобы ободрить больную мать, отвечала девочка. – Теперь тебе будет гораздо легче и кашель перестанет душить тебя. Прими поскорее хоть одну ложечку, дорогая мамочка! Увидишь, что тебе будет легче!

Лиза взяла со стола ложку, налила из принесенной склянки красноватой жидкости и поднесла к губам матери. Лекарство, должно быть, было горько, потому что Марья Дмитриевна Окольцева, – так звали Лизину маму, – с трудом проглотила его. Потом она сильно и долго кашляла, откинувшись на подушку головою и прижимая обе руки к груди. Лиза со слезами смотрела на мать, которую горячо любила всеми силами своего маленького, нежного сердечка.

Когда мама немного оправилась, девочка крепко обняла ее обеими руками и, припав своей золотистой кудрявой головенкой к её изголовью, стала тихонько рассказывать ей о встрече с незнакомым господином в аптеке и о данном им обещании придти к ним на следующее утро. Слушая лепет своей ненаглядной девчурки, Марья Дмитриевна успокаивалась понемногу и, наконец, ей стало настолько лучше, что она снова могла говорить и улыбаться.

– Ах, скорее бы мне вылечиться, Лизок, – шептали её губы, – как бы славно это было! Зажыли бы мы по-старому: я бы стала шить платья, как раньше, ты бы помогала мне… По крайней мере, не было бы постоянной заботы о том, что мы будем делать, когда деньги выйдут и нам не на что будет покупать еду и лекарство.

Последние слова матери больно отозвались в душе Лизы. С тех пор, как мама заболела, все её маленькие средства, вырученные от работы, перешли в распоряжение Лизы. Из этих денег нужно было покупать лекарства, яйца, булки и молоко для мамы. Другой пищи доктор не позволял больной.

Лиза тратила очень расчетливо переданные ей матерью деньги. Сначала девочке показалось, что этих денег достаточно, чтобы жить на них во все время маминой болезни, а там, – думалось Лизе, – мама опять встанет, будет работать и снова они заживут, если не безбедно, то, по крайней мере, без особой нужды. Но мама не поправлялась, а деньги уменьшались и уменьшались с каждым днем в маленькой шкатулке, где их прятала Лиза.

Сегодня девочка истратила последний рубль на микстуру маме, и завтра ей не на что будет приобрести яиц, молока и булок для её больной. Лиза ломала теперь голову, придумывая, чтобы сделать, чтобы мама была сыта и завтра и все последующие за ним дни. О себе

добрая девочка не думала нисколько. Она уже давно отказывала себе даже в булке, ни слова не говоря об этом матери, и питалась одним только черным хлебом, запивая его водою.

Пока голодала она одна, ей не было тяжело страшно. Но при одной мысли о том, что наступит завтра, и её бедная мама попросит кушать, а у них ничего нет, кроме корки черного хлеба, – Лизу бросало то в жар, то в холод от волнения и страха.

Между тем, её мама и не замечала, казалось, печальной заботы своей девочки. Ей было так хорошо с ненаглядной дочуркой! Она обняла Лизу и, лаская ее, тихо говорила:

– Когда я поправлюсь, мы уедем куда-нибудь подальше, в деревню. Я поступлю швеей в какой-нибудь помещичий дом. Ты у меня поправишься и пополнеешь на вольном воздухе. Все время будешь гулять и бегать по полям и лесам. Сколько цветов и ягод там растет, Лиза! А я буду работать целые дни и радоваться тому, что моя милая крошка поправится и повеселеет. Только бы скорее встать с постели! Тогда я сейчас же буду искать места где-нибудь в провинции, в глуши, подальше от столицы, где бы моя милая девочка повеселела и порозовела, как и все здоровые дети…

Лизе были очень приятны эти речи и ласки её матери. Она прилегла с ней рядом головкой на подушку и, казалось, позабыла совсем о том, что завтра ждет их обеих нужда и голод. Ей представлялся теперь густой темный лес, много, много ландышей и сама она, Лиза, но не настоящая Лиза в рваном платьице и стоптанных башмаках, а какая-то не то принцесса, не то царевна, сходство с которыми нашел в ней добрый незнакомец, встретивший ее в аптеке. И снилось девочке, что она собирает ландыши для мамы, а мама, нарядная, здоровая и полная, какою давно ее не видела Лиза, сидит у окна большого дома, шьет что-то и, глядя на свою дочурку, кивает и улыбается ей радостной улыбкой.

ГЛАВА III
Добрый волшебник

– Вставай, моя крошка, давно пора, – послышался Лизе сквозь сон ласковый голос матери. Лиза быстро вскочила, протерла сонные глазки и вдруг разом вспомнила о том, что в доме нет ни денег, ни куска хлеба.

«Господи! – подумала с ужасом девочка, – ну, как я скажу об этом маме? Ведь она расстроится и взволнуется, а доктор строго запретил ей всякие волнения и беспокойства, так как они усиливают её болезнь. Но где же достать ей сегодня хоть немного покушать? Ах, как жаль, что мы живем не в сказке, где неожиданно появляются добрые волшебники и волшебницы и приносят разные яства бедным людям!»

И бедняжка Лиза совсем было поникла своей золотокудрой головкой, как вдруг внезапная мысль пришла ей на ум.

– Какая я глупая маленькая девочка! – воскликнула она мысленно, – жалею о том, что нет на свете добрых волшебников, а сколько раз мама повторяла, что Господь Бог, Который знает все горести и печали людские, помогает тем, кто молится Ему и просит у Него помощи и защиты. Помолюсь-ка и я хорошенько Богу, а там, пойду попытаюсь достать у соседей хотя чего нибудь покушать маме.

И с этими мыслями Лиза пошла в самый отдаленный угол комнаты, встала на колени и горячо помолилась Богу, прося Его помочь её бедной маме и выручить их от тяжелой, грозившей им нужды.

Молитва облегчила Лизу. Она встала с колен, подошла к постели матери, поправила подушки и одеяло больной, несколько раз поцеловала её исхудалые щеки и, сказав ей, что пойдет купить чего-нибудь покушать, накинула платок на голову и шагнула было к выходу, как вдруг дверь широко распахнулась и вчерашний незнакомец, встреченный Лизой в аптеке, вошел в комнату.

– Здравствуй, девочка, – произнес он ласково, – видишь, я сдержал свое слово: обещал придти – и пришел. Что же ты точно не рада моему приходу? Здравствуйте, сударыня, – произнес он любезно, чуть-чуть подвинувшись к постели больной. – Не беспокойтесь, я не подойду к вам с холоду… Ну, Лизочка, – кивнул он девочке, – дайка мне стул и не мешай мне, я должен поговорить с твоей мамой о деле.

Лиза не заставила незнакомца повторять просьбы, принесла стул и, подавая ему, заметила вполголоса: – Ради Бога, только садитесь осторожно, а то ножка у стула сломана, и вы можете упасть.

– А тебе разве будет жаль меня, если я упаду и разобью себе лоб?

– О, да! – воскликнула искренно Лиза, – конечно, мне будет жаль вас, если вы ушибетесь.

– Да ведь я совсем для тебя чужой, девочка, ты меня вчера видела только в первый раз, – удивился незнакомец.

– Это ничего не значит, – произнесла Лиза, спокойно поднимая на говорившего свои ясные глазки, – мама не раз говорила мне, что надо жалеть не только своих близких, но и всех людей.

– Ты умная, добрая девочка, – весело заметил гость, – и я за это хочу чем-нибудь порадовать тебя. Вот возьми это себе на гостинцы.

И, порывшись в кармане, он вынул оттуда и подал Лизе блестящий, новенький серебряный рубль.

– Я хочу, – добавил он, – чтобы ты купила себе на него чего-нибудь полакомиться, пока я буду разговаривать тут с твоей мамой.

Лиза тихо ахнула от радости. Со слезами на глазах приняла она этот неожиданный подарок, чувствуя, что, благодаря ему, сегодня и завтра ей не придется видеть голодною бедную маму. Она в одну минуту выбежала из комнаты, забыв от волнения даже поблагодарить гостя, бегом спустилась с лестницы и бросилась в ближайшую лавку, где продавалось съестное.

– Вот я, глупенькая, жалела еще, что нет на свете волшебников, – не переставала она рассуждать по дороге, – а разве этот добрый господин не добрый волшебник, посланный ко мне самим Богом.

Лиза закупила все нужное для матери, ни разу не подумав о том, что деньги эти предназначены ей на гостинцы и что, стало быть, она в праве выбрать себе что-нибудь, хотя бы самое дешевенькое, из тех вкусных лакомств, которые так заманчиво глядели на нее с прилавка. На свою долю она взяла лишь небольшой круглый хлебец да ломтик солонины, чтобы только можно было утолить голод.

Спокойная и радостная, прижимая к груди свои покупки, возвращалась она в свою каморку, раздумывая по дороге о том, какое лекарство мог принести маме их добрый посетитель.

Когда Лиза вошла к себе, незнакомца там уже не было. Её мама лежала по прежнему в постели, но лицо мамы было теперь печально и грустно, а по исхудалым щекам катились крупные слезы.

ГЛАВА IV
Неожиданная новость

– Мама, мамочка, дорогая, о чем же ты плачешь? Ради Бога, не плачь, мамочка, тебе вредно волноваться. Доктор сказал, что от беспокойства и волнения тебе может быть хуже.

И Лиза, сама еле удерживаясь от слез, принялась нежно ласкать и целовать больную. Но Марья Дмитриевна долго не могла утешиться, несмотря на все заботы и ласки своей дочурки. Наконец, когда слезы её несколько утихли, она крепко-крепко прижала к своей груди Лизу и прошептала чуть слышно:

– Знаешь ли ты, деточка, зачем приходил ко мне твой новый знакомый?

– Нет, не знаю, мамочка, – отвечала Лиза. – Он говорил мне только о каком-то лекарстве, которое обещал тебе принести. Он дал тебе это лекарство, мамочка?

– Слушай же, дорогая. Никакого лекарства он мне не принес. Этот господин очень добрый человек и хочет сделать тебя счастливою, моя Лиза…

У него есть своя школа, но совсем особая школа, в которую он желает принять и тебя. Это очень большое счастье – попасть в его школу, моя крошка. И это счастье улыбается тебе…

– Что же, мама, я охотно пойду в школу, – заметила Лиза.

– Да, деточка, но это не такая школа, как ты думаешь. Этот господин собирает маленьких бедных детей, преимущественно сироток, и обучает их в своей школе играть на сцене, т. е. представлять разные волшебные сказки, в которых дети изображают принцев, царевен, добрых и злых волшебниц, словом – всех тех лиц, о которых говорится в сказках.

– Ах, как это хорошо! – воскликнула Лиза. – Как интересно изображать принцесс и волшебниц! Это, должно быть, очень легко и весело. Неправда ли, мамочка?

– Да, но этому надо учиться. Павел Иванович Сатин – так зовут этого господина – сам показывает каждому ребенку, что надо делать на сцене, помогает им заучивать все то, что должны говорить маленькие актеры и актрисы, проходит с ними все, что им задано. Подучив их, как следует, Павел Иванович отправляется с ними в путешествие и в разных городах дает представления. Деньги, которые он выручает с публики за вход на эти представления, он частью оставляет себе, частью распределяет между детьми. У него теперь 15 человек детей, одна девочка изображает у него в театре Золушку, другая – Спящую Царевну, Красную Шапочку, волшебницу. Мальчики представляют карликов, принцев, королей, гномов и т. д. Но девочка, которая до сих пор изображала у него одних принцесс и царевен, уже выросла, и Павел Иванович решил, что ее надо заменить другой. Да кроме того он очень недоволен этою девочкою: она отличается дурным характером, очень капризна, непослушна и сердита. Давно уже Павел Иванович искал такую девочку, которая могла бы заменить прежнюю Золушку, но никак не мог найти. Когда он увидал тебя, Лизочка, вчера в аптеке, то сразу решил, что ты была бы отличная Золушка, Спящая Царевна и принцесса Босоножка, словом – могла бы играть все то, что до сих нор играла та злая девочка, с которою он хочет расстаться. И вот, Павел Иванович предлагает мне отпустить тебя в его школу, или как он ее называет, в его «кружок». II при этом он мне сказал, что как и всем детям, так и тебе, за то, что ты будешь играть в кружке, будет полагаться жалованье. Про Павла Ивановича, – прибавила Марья Дмитриевна, – я давно уже слышала; все говорят, что он очень добрый человек, любит детей, и поэтому я могу совсем спокойно сдать тебя на его попечение. Тебя там ждет хорошая жизнь, куда лучше, нежели здесь со мною; как и другие дети у г. Сатина, ты будешь всегда сыта, одета, а играть с детьми на сцене тебе будет, вероятно, не трудно.

Словом, тебя ждет счастье, Лизок, и я сердечно благодарна за него доброму человеку. Одно только грустно – нам придется расстаться с тобою…

Лиза внимательно слушала речь матери, не проронив ни одного слова. Неожиданная новость сначала очень обрадовала ее.

Когда был жив отец Лизы, дела их семьи были много лучше, нежели теперь, и родители Лизы доставляли какие могли удовольствия своей девочке. Раза два в раннем детстве Лиза была в театре. Она видела сказочных принцесс на сцене в нарядных платьях и в богатых уборах – и вдруг теперь ей представлялась возможность быть такой же нарядной и блестящей, как они. Эта мысль привела в восторг девочку, но лишь на одну минуту. Внезапно вспомнила она о словах матери: «нам надо расстаться с тобою» – и оживленное её личико разом омрачилось. Припав к груди Марьи Дмитриевны, Лиза вскричала:

– Нет, нет, мамуся моя, никогда, ни за что не оставлю я тебя одну. Лучше будем голодать, бедствовать, но только бы не разлучаться с тобой!

– Милая девочка, – проговорила больная растроганным голосом, с полными слез глазами. – Расстаться нам все равно придется, так как с каждым часом я чувствую себя хуже и хуже, да и доктор постоянно советует мне лечь в больницу. Если бы у тебя были родные, я бы охотнее отдала тебя к ним, но родных у тебя нет, Лиза, и поэтому я решила принять предложение Павла Ивановича и отдать тебя ему. К тому же ведь мы расстаемся не навсегда, моя деточка! Вскоре мы снова, Бог даст, будем вместе, чтобы уже никогда не разлучаться больше, во всю жизнь. А я надеюсь скоро поправиться… Когда я выйду из больницы, то поступлю куда нибудь на место постоянной швеей, чтобы как можно больше и скорее заработать денег на наше будущее существование. И не заметишь, Лизок, как пройдет время и ты снова вернешься ко мне. Правду ли я говорю, деточка?

– О, мамочка, – поднимая на мать свое затуманенное личико, прошептала Лиза, – ты всегда говоришь правду и все, что ты делаешь, так хорошо!

И обе, мать и дочь, тихо заплакали в объятиях друг друга.

Участь Лизы была решена.

ГЛАВА V
Прощание с мамой

Когда на следующее утро Павел Иванович вошел в комнату своих новых знакомых, он застал Лизу и её мать вполне готовыми, чтобы пуститься в дорогу. Лиза успела уже помочь одеться матери, еле державшейся на ногах от слабости, напоила ее молоком и сбегала к соседке, которая взялась отвезти маму в больницу.

– Ну, вот и молодец. Все так проворно устроила, – проговорил Павел Иванович весело и, чтобы рассмешить грустившую девочку, скроил такую удивительно смешную гримасу, что, как не тяжело было на сердце Лизы, она не могла удержаться от улыбки.

– А я думал, что ты еще нежишься в постели, – продолжал он шутить, – и что мне придется везти тебя с постелью вместе, вот была бы потеха!

И Павел Иванович, представив вероятно, в своем воображении, как бы он вез постель с Лизой на извозчике, громко и весело расхохотался.

Но Лизе было не до смеху. Как раз в эту минуту дверь растворилась, и к ним вошла соседка, к которой поутру бегала Лиза с просьбою сопутствовать её маме в больницу.

– Если вы готовы, Марья Дмитриевна, – сказала она, – то едем.

– Да, да, – как-то разом засуетилась Лизина мама. – Едем, едем, я готова, – и она крепко-крепко обвила обеими руками шею дочери, покрыв все лицо её горячими поцелуями.

И Павел Иванович, и добрая соседка отвернулись к окну, чтобы не видеть тяжелого прощания матери с дочерью.

– Лизок мой, деточка моя дорогая, ненаглядная, – говорила больная, – не плачь, не горюй без меня. Быть умницей и прилежной я тебя и не стану просить: я знаю тебя, моя дорогая, примерная деточка, знаю, что ты и без просьбы мамы будешь такой; одного прошу от тебя: не тоскуй и не плачь, а в те минуты, когда тебе особенно взгрустнется, прибегай к Богу. Он Единственный, Который может утешить тебя, милая моя крошка! Он твой Заступник. Он любит детей и всегда внимателен к детской молитве. Помни это, Лиза, постоянно и обещай мне, деточка, часто молиться Богу и в тяжелые, и в радостные дни…

Лиза могла только кивнуть в ответ головой, потому что слезы душили ее, не давая ей произнести ни слова. Но и без слов её мама поняла свою девочку, поняла, что Лиза давала ей безмолвное обещание исполнить обе её просьбы. – Ну, а теперь прощай, моя крошка, – произнесла больная, – или нет, – поправилась она, – скажу лучше тебе до свидания! Ведь мы скоро, скоро увидимся с тобою; в работе и в ученье ты и не заметишь, как пробежит время.

– Павел Иванович, – обратилась Окольцева к Сатину, – доверяю вам мою Лизу, мое сокровище. Сберегите мне ее, Бога ради, будьте поласковее к ней. Она добрый и кроткий ребенок и не перенесет строгого обращения.

– О, сударыня, – прервал немного обиженно добрый старик, – Или вы думаете, что я завел мой кружок, чтобы только браниться? Или, может быть, вы воображаете, что я развожу детей, как цыплят, чтобы жарить их и подавать к обеду?

И он снова сделал свою потешную гримасу, при виде которой и Лиза, и сама больная не могли удержаться на этот раз от улыбки.

– Моя супруга, – продолжал Павел Иванович уже спокойным и серьезным тоном, видя, что совсем успокоил больную насчет её дочери, – действительно, несколько строга с детьми, но ваша Лиза, сударыня, такой милый и вежливый ребенок, что ее сразу полюбит даже самая строгая начальница. И потом я беру вашу дочь под мою защиту. Слышишь, Лизок, во всех твоих печалях и горестях ты можешь обращаться ко мне, будешь?

– Спасибо, – робко прошептала Лиза и снова прильнула к матери с последним поцелуем.

Наконец, они с трудом оторвались друг от друга, и мама, опираясь на руку доброго господина Сатина, стала медленно спускаться по темной и скользкой лестнице.

У ворот дома стоял уже извозчик, предупредительно нанятый Павлом Ивановичем, чтобы отвезти мать Лизы в больницу. Сатин осторожно посадил в пролетку больную, помог взобраться с другой стороны соседке Окольцевых и, пожав руку Марье Дмитриевне, тихо проговорил:

– С Богом, в добрый час! Поправляйтесь скорее… А за девочку не беспокойтесь: я ее сберегу.

Извозчик дернул вожжами. Мать кивнула в последний раз стоявшей у ворот Лизе, и пролетка исчезла за углом их большого мрачного дома.

– Ну, а мы пешком, нам недалеко, – весело проговорил Павел Иванович и, взяв своей большой рукой крошечную ручонку Лизы, быстро зашагал с нею по тротуару.

ГЛАВА VI
От дома до кружка. – Новые люди

Павел Иванович пошел таким скорым шагом, что Лиза, которую он вел за руку, едва поспевала за ним. Она вся раскраснелась и запыхалась от скорой ходьбы. Но попросить его идти тише девочка стеснялась. И так уже, по её мнению, новый знакомый был слишком добр к ней и утруждать его чем бы то ни было еще Лиза не хотела. А Павел Иванович, казалось, вовсе и позабыл, что рядом с ним шагает маленькая десятилетняя девочка, а не взрослый человек: он говорил без умолку, поверяя свои дела и мысли едва поспевавшей за ним Лизе.

– Ну вот, ты у меня теперь будешь принцессой, девочка, – говорил он, радостно улыбаясь, – и все роли принцесс я передам тебе. Ты одна только и будешь играть их. Ты у меня заменишь Мэри Ведрину. Я уже давно хотел ее заменить другою девочкою, но не мог никак подыскать подходящей. Надо тебе при этом знать, что Мэри Ведрина презлая девчонка. Ты слышала, что про нее говорил аптекарь? Мэри и дома была отвратительной девчонкой и ее отдали ко мне, чтобы только от неё избавиться. Слушай, Лиза, если она тебя когда-нибудь обидит, ты прямо ко мне. Слышишь? Не к Анне Петровне, моей супруге, а ко мне, помни это. Моя супруга, хотя и очень справедлива, но требовательна и строга. Ты её, пожалуйста, не бойся. Она только не любит злых и фальшивых детей, как Мэри. Мэри мы видим насквозь

и ждем только, когда она вырастет настолько, что ее можно будет поместить в какой-нибудь большой театр, где играют взрослые актеры, и тем избавиться от неё.

Лиза мало понимала из того, что говорил Павел Иванович, но она не решалась перебивать его и внимательно слушала все, что говорил он ей.

– Ну, вот мы и пришли, – весело произнес, между тем, г-н Сатин, останавливаясь перед небольшим домом на одной из улиц Выборгской стороны.

На дверной дощечке Лиза прочла четкую надпись, сделанную крупными буквами:

Павел Иванович
САТИН
директор
ДЕТСКОГО ТЕАТРА

– Вот мы и дома, – повторил еще раз директор, вводя Лизу на ступеньки высокого подъезда. – Мы почти не живем здесь, потому что все время кочуем по России, но когда кружок мой приезжает в Петербург, мы останавливаемся в этом доме, который составляет собственность г-жи Сатиной – моей супруги.

Говоря это, Павел Иванович нажал кнопку звонка у подъезда. Через минуту за дверьми раздалось топанье детских ножек, и, когда дверь отворилась, Лиза увидала пред собою прелестного, толстого, шестилетнего мальчика.

– Павлик, Павлик, – вскричал в ту же минуту господин Сатин, с отчаянием в голосе. – Зачем ты сам отворяешь двери, Павлик? Разве не могла этого сделать Матрена или кто-нибудь из старших детей? Ты простудишься, заболеешь, схватишь, чего доброго, какую-нибудь болезнь! Ах, Павлик, Павлик, что ты делаешь с твоим бедным папой! – заключил с дрожью в голосе взволнованный Павел Иванович.

– Я хотел только посмотреть на новенькую девочку, папа, – спокойно отвечал маленький толстяк, ни мало не смущаясь по-видимому испугом отца. – Мэри говорит, что у новенькой шишка на носу, как грецкий орех, и что она будет играть поэтому роли всех карлов и гномов.

– Твоя Мэри лгунья, – сердито проворчал несколько успокоившийся директор, – я привел хорошенькую, миленькую девочку, которой с сегодняшнего дня передаю все роли Мэри. А чтобы твоя Мэри злилась не даром, – заставлю ее играть всех злых волшебниц и колдуний. Это к ней куда больше подойдет, нежели её прежние роли, – заключил совсем уже сердито Сатин. – Ну, Лизок, – разом меняясь от ласковой улыбки, прояснившей его лицо, обратился он к девочке, – давай твою лапку Павлику и пойдем знакомиться с остальными детьми.

Длинным темным коридором, сплошь заставленным шкапами с блестящими, шитыми золотом и серебром, театральными костюмами детей, Лиза прошла за руку с Павлом Ивановичем и его бутузиком-сыном в большую, светлую комнату, где около полутора десятка детей – мальчиков и девочек – сидели вокруг длинного стола, шепотом читая что-то про себя по толстым тетрадкам, положенным перед каждым из них.

Худая, высокая дама в синих очках и теплой шали сидела в конце стола и вязала шарф из красной шерсти.

– Вот и моя маленькая труппа, – сказал, входя в комнату, директор, обращаясь к Лизе, – поздоровайся с твоей новою начальницею, Анною Петровною Сатиной, и обойди всех твоих будущих товарищей и подруг. Они будут рады подружиться с тобою.

Лиза немедленно исполнила его желание, подошла к даме в очках и присела перед нею, как учила ее мама.

– Здравствуй, девочка, – произнесла дама, не переставая вязать и оглядывая стоящую перед нею Лизу поверх синих очков быстрым и проницательным взглядом. – Да какая ты

худенькая, однако… Что с тобою? Она, должно быть, больна, Навел. Зачем же ты привел больную девочку? – строго спросила директорша, обращаясь к мужу.

– О, что ты, Анюта, – поторопился тот успокоить жену, – девочка и не думает быть больною. Просто она исхудала в хлопотах во время болезни её матери.

– Ну, если она не больна, – тем лучше для неё, потому что больных нам не нужно, – сказала г-жа Сатина. – Только, зачем же ты плачешь, девочка? – обратилась она снова к Лизе, у которой, действительно, при напоминании о матери, навернулись на глаза непрошенные слезы. – Плакать нечего! Если тебе тяжело с нами, ты можешь уходить, откуда пришла.

Но Лиза отлично сознавала, что идти обратно ей некуда, и потому поспешно отерла слезы, чтобы не раздражать ими начальницу.

Между тем, Павел Иванович подвел к ней маленькую девочку, одного роста с нею, худенькую и болезненную на вид.

– Это Марианна – самая прилежная и умненькая девочка из всего нашего кружка, – произнес он, ласково погладив тщательно причесанную головку девочки. – Марианна, – обратился он к девочке, – познакомь Лизу с твоим братом и со всеми остальными, а мне надо переговорить с г-жей директоршей.

При этих словах супруга г. Сатина, Анна Петровна, с шумом отодвинула свое кресло от стола и, бросив строгий взгляд поверх синих очков на притихшее юное общество, последовала за мужем в соседнюю комнату. Полтора десятка будущих сотоварищей и подруг Лизы, сидевшие за длинным столом и заучивавшие свои роли к следующему спектаклю, с любопытством уставились на новенькую.

ГЛАВА VII
Первое знакомство. – Шишка и Мэри Ведрина

С минуту длилось молчание. Лиза смотрела на детей, дети – на Лизу. Никто, казалось, не решался заговорить первый. Даже Марианна, познакомившаяся с Лизой, и та молчала, пристально разглядывая новенькую добрыми голубыми глазами. Но нежданно-негаданно долгое молчание было нарушено толстеньким Павликом, директорским сынишкой. Он все время не спускал глаз с Лизы и еще тщательнее, нежели Марианна, осматривал ее. Наконец, он с усилием потер свой лоб и произнес медленно и важно, ужасно смешно растягивая речь:

– Удивительно…

– Что удивительно? – сорвавшись с своего места, вскричал высокий, лет 12-ти мальчик, сильный и шустрый, на вид очень похожий на Марианну, но много здоровее и крупнее её. – Что ты нашел удивительного, Павлик?

– Удивительно, – повторил тем же тоном Павлик, как бы не расслышав вопроса, – а где же шишка?

– Какая шишка? – в свою очередь изумился Витя (высокого, плотного мальчика, брата Марианны, звали Витей).

– Да шишка на носу новенькой. Мэри сказала, что у новенькой на носу должна быть шишка, а я её не вижу.

И толстяк Павлик так пристально уставился на маленький носик Лизы, что окончательно сконфузил этим девочку.

– Ах, что ты понимаешь, Павлик, – раздался резкий голос с противоположного конца стола – У новенькой на носу была шишка, но она ее оставила дома.

Лиза взглянула на говорившую. Это была смуглая, черноволосая девочка с большими черными глазами и недобрым выражением лица.

– Это Мэри Ведрина, наша старшая, – собственно говоря, ее зовут Маша, но у нас она в кружке называется Мэри, – произнесла Марианна, – она играет у нас всех главных принцесс и царевен. Ей уже 15-ый год, и скоро она перейдет от нас в настоящий театр, где играют большие.

Высокая, красивая, смуглая Мэри не понравилась Лизе.

«Девочка с такими злыми глазами не может быть доброй», – решила она и невольно со страхом взглянула на ту, о которой так много уже слышала дурного.

Между тем Мэри гордо посмотрела на Лизу и спросила ее с нескрываемой насмешкой в голосе:

– Почему у тебя платье в заплатах и рваные башмаки?

Лиза, не ожидавшая такого вопроса от чужой девочки, ужасно смутилась и покраснела.

– Ты верно очень бедная? Да? – продолжала спрашивать неумолимая Мэри.

– Да, – тихо, чуть слышно, произнесла Лиза, – мы очень бедны, вы угадали. Когда мама была здорова, – у нас еще были кой-какие деньги, на которые можно было купить все необходимое, но как только мама заболела и слегла, – она уже не могла работать и добывать денег.

– Ну, если ты такая бедная, как говоришь, то попроси меня хорошенько, я возьму тебя в мои горничные, хочешь? Я играю только принцесс в нарядных платьях, и мне трудно одеваться без горничной. Я буду тебе хорошо платить каждый месяц, потому что я богата, у моего отца есть магазин и мне ничего не значит отдать лишний рубль для собственного удобства. Хочешь, я возьму тебя в горничные?

Говоря это, смуглая девочка не переставала насмешливо улыбаться.

Лиза стояла красная и смущенная, не зная что отвечать большой девочке, насмехавшейся над нею так явно.

Наконец, она собрала всю свою храбрость и проговорила тихим голосом:

– Благодарю вас за вашу доброту, но господин Сатин был так добр, что обещал мне платить жалованье, которого, конечно, хватит, чтобы купить себе платье и сапоги, и я, даст Бог, обойдусь без посторонней помощи.

– Как хочешь, – сердито буркнула Мэри и пошла на свое место, недовольная кротким и умным ответом новенькой.

– Мэри Ведрина, – вдруг снова неожиданно пискнул Павлик, – папа сказал, что ты уже больше не будешь играть принцесс и царевен. Все твои роли он передает новенькой.

Если бы гром небесный разразился над пансионом, он не мог бы более испугать Мэри, нежели это известие. Она вскочила со своего места, в упор подскочила к Павлику и, вся красная, как кумач, схватила его за плечи и затрясла его изо всей силы, крича ему в самое ухо:

– Повтори-ка, повтори, что ты сказал, негодный мальчишка! – Слышишь? Сейчас повтори, или я тебя так отделаю, что ты меня долго не забудешь!

Павлик, не привыкший к подобному обращению, так как никогда никто не разговаривал с ним так грубо, громко разревелся от испуга.

– Ну, пойдет теперь потеха, – проговорили в один голос два белокурые мальчика, братья-близнецы Пика и Ника, любимцы и весельчаки труппы, так похожие друг на друга, что их трудно было различить одного от другого.

В туже минуту г-н Сатин и его супруга показались с встревоженными лицами на пороге комнаты и, увидя своего плачущего любимца, со всех ног бросились к нему.

Дети разом притихли и подтянулись. Пика и Ника сказали правду. Начиналась потеха, нередко повторявшаяся в «Детском Кружке» г-на Сатина.

ГЛАВА VIII
Развенчанная принцесса

– Что такое? Что случилось? Павлик, дитя мое, что с тобою! О, не плачь же так сильно, не надрывай моего сердца! – кричала не менее самого Павлика взволнованная и испуганная Анна Петровна, подхватывая свое сокровище на руки и баюкая его на коленях, как самого маленького ребенка. – Успокойся, Павленок мой, деточка моя, кто тебя обидел? Не плачь же, Бога ради, – продолжала она еще нежнее, видя, что Павлик не перестает реветь. – Костя Корелин, и ты, Аля Большая, и ты, Роза, вы бегаете быстрее всех: слетайте в аптеку да поскорее принесите каких-нибудь успокоительных капель для моего несчастного малютки.

Но «несчастный малютка», ревевший теперь уже благим матом, при одном воспоминании об аптеке и лекарстве сильнее задрыгал ногами на руках матери и заревел еще громче, крича на весь дом, между всхлипываниями и рыданиями:

– Не надо лекарства… Не хочу… Лучше пастилы…. пастилы рябиновой, она меня скорее успокоит…

– Да, да, пастилы… непременно пастилы, моя крошка, – подхватила его мать, – Костя Корелин, беги за пастилой. Самой свежей спроси, слышишь? Самой свежей, для больного ребенка скажи… Да что же ты стоишь? Беги же!

– А деньги? – робко осведомился Костя – быстроглазый, ловкий мальчуган, смуглый, как цыганенок, – вы не дали мне денег на пастилу, г-жа директорша.

Но Павел Иванович не дал ему докончить и быстро сунул ему деньги в руку, умоляя бежать, как можно скорее, как будто от скорого доставление пастилы зависела жизнь ревущего Павлика.

Костя, привыкший к подобным волнениям, опрометью бросился из комнаты, при чем налетел на входящего в эту минуту толстенького, розовенького, как свежая булочка, мальчика – Мишука или Медвежонка, как его называли дети за его неповоротливость и неуклюжесть, сбил того с ног и, запнувшись за стул, попавшийся ему на дороге, сам тоже упал, и оба мальчика забарахтались в одной общей куче.

Павлик, услыша необычайный шум и грохот, происшедший от падения двух пансионеров, отнял платок от глаз и любопытно покосился одним глазком на то, что происходило. Увидя барахтавшихся на полу мальчуганов, он не выдержал и громко рассмеялся. Рассмеялись за ним и остальные дети, потому что нельзя было не смеяться, когда смеялся Павлик, общий любимец, в сущности очень добрый ребенок, но донельзя избалованный слишком нежными родителями. Рассмеялся и Павел Иванович, и строгая Анна Петровна, и даже смущенная, робкая Лиза невольно улыбнулась.

Не смеялась только одна Мэри. Ей было не до смеха. Дрожа от волнения и злости, стояла она перед Павлом Ивановичем и спрашивала прерывающимся от гнева голосом:

– Что же это такое? Неужели это правда? Неужели вы хотите взять первую попавшуюся девчонку на мое место? А мне что прикажете делать? Я три года играла у вас одни только главные роли. Не могу же я играть после этого чуть ли не служанок…

– Нет, ты будешь изображать колдуний и злых волшебниц, а вовсе не служанок, – пропищал Павлик. – Ты мне сделала больно… Она мне сделала больно, – объявил он матери. – Она разозлилась и трясла меня так сильно, что я думал – у меня оторвется голова.

– Что? что такое? – вскричали в один голос и директор, и его жена. – Ты смела обижать Павлика? Нашего Павлика, который так слаб, что не может прожить дня без леченья…

– И без пастилы, – прибавил тихонько маленький лакомка, заранее облизываясь при мысли о том, что Костя Корелин давно уже на пути за вкусным лекарством.

Но на этот раз ни отец, ни мать не обратили внимание на его замечание. Возмущенные до глубины души поступком Мэри, они с минуту смотрели на нее такими глазами, точно собирались ее съесть. Наконец, Анна Петровна взяла девочку за руку и повела ее к дверям, говоря ей гневно и сердито:

– Скверная, злая девчонка! До сих пор я была слишком снисходительна к тебе, старалась не замечать многих твоих дурных поступков, но теперь, когда я знаю, что, помимо всего остального, ты еще обижаешь бедного беззащитного малютку, я не хочу больше потакать твоим выходкам. Все твои роли я с сегодняшнего же дня передаю новенькой пансионерке, а ты ступай тот час же в «темную» и сиди там до тех пор, пока я тебя не выпущу оттуда. – И, слегка дотронувшись рукой до спины Мэри, Анна Петровна Сатина вытолкнула девочку из классной.

Тотчас по уходе Мэри, Павел Иванович подошел к шкапу, где лежала целая груда книг и тетрадей за стеклянной дверью, и, отобрав в нем несколько тетрадок, вручил их Лизе.

– Вот тебе работа, девочка, – сказал он. – Будь прилежной и толковой. Марианна покажет тебе, как надо учить роли. С этого дня прежняя принцесса Мэри развенчана за её злое сердце и дурной характер, и ты будешь на её месте. По твоему умному лобику я уже решаю, что ты отлично все поймешь и пожалуй уже в скором времени ты в состояния будешь заменить Мэри. С таким кротким личиком, тебе не трудно будет изображать добрых и хороших людей… Так ли я говорю, друзья мои? – обратился он к остальным детям.

– Так, Павел Иванович, – весело подхватили дети, которым сразу понравилась их новая маленькая подруга.

– Ну, вот и отлично. Да здравствует Лиза! – вскричал г-н Сатин, – или нет, – поправился он, – ведь у неё должно быть другое имя для театра. Лиза – это звучит слишком просто. Пусть она у нас в кружке впредь называется Эльзой. Мы так и будем знать, что у нас теперь новая артистка Эльза. И так, да здравствует златокудрая Эльза, наша будущая принцесса, Золушка и Красная шапочка!

– Да здравствует златокудрая Эльза! – подхватили мальчики и девочки, сидевшие за столом, ласково поглядывая на сконфуженную Лизу.

Даже Павлик, занявшийся было принесенной ему Костей Корелиным пастилой, и тот забыл о ней на минуту и, с набитым ртом, потянулся целовать Лизу.

ГЛАВА IX
Лиза сходится с своими новыми друзьями

Учинив расправу над провинившейся Мэри, Павел Иванович и его супруга уехали по делам, приказав высокой, бледной барышне – помощнице Анны Петровны Сатиной, приставленной к труппе в качестве гувернантки, – распорядиться обедом. M-lle Люси (так звали барышню) пошла хлопотать по хозяйству, оставив детей в той же классной, где они обыкновенно готовили роли и занимались в часы уроков. Лишь только наставница вышла, дети с шумом повскакали со своих мест.

– Я рада, что Мэри наказали, – произнесла маленькая, рыженькая девочка, похожая на лисичку, которую звали Марусей Виркиной – в жизни и Мими – по сцене.

– Да, да, и я тоже, – подхватили в один голос Пика и Ника.

– Понятное дело, и я, – улыбаясь добродушной улыбкой, произнес Мишук, – она такая сердитая, все злится, ругается и даже щиплется. Ты знаешь, Эльза, – обратился он к Лизе, – мне постоянно приходится играть её пажей, потому что я не гожусь ни на что остальное, а моей королевой всегда бывает Мэри, и когда я запутаю по нечаянности её шлейф, – пажи ведь должны носить шлейфы своих королев, – она так больно щиплет меня, потихоньку от публики, что я чуть не плачу в то время, когда мне приходится делать радостное лицо и улыбаться, потому что Павел Иванович говорит нам, что никому не весело видеть сердитое и недовольное лицо на сцене.

– А это очень трудно, должно быть, играть на сцене? – робко осведомилась Лиза, решившаяся, наконец, задать первый вопрос своим новым знакомым.

– О, нет, – поспешила ее успокоить Марианна, – совсем нет. Надо только хорошенько сперва подготовиться и выучить свою роль по тетрадке, то есть те слова, которые говорит лицо, изображаемое тобою, и конец фразы того лица, которое говорит с тобою по ходу пьесы, чтобы ты знала, когда тебе надо самой вступить в разговор. Впрочем, ты не беспокойся, все это тебе объяснит режиссер.

– Кто? – переспросила Лиза.

– Режиссер – это наш учитель, – вмешался в разговор брат Марианны Витя, или Виталий, как его называли по театру. – Режиссер показывает нам, как играть и что делать на сцене. Иными словами он «ставит пьесы», как говорится по театральному.

– А режиссер очень строгий? – робко осведомилась Лиза.

– Очень, – подхватили в один голос Пика и Ника и еще кто-то из детей.

– Он кричит на нас всех ужасно, когда мы бываем ленивы и бестолковы. Иногда сажает в темную, где теперь сидит наказанная Мэри, – поясняла Марианна своей новой подруге. – Не кричит он только на Павлика да на Валю, потому что они с Павликом считаются малышами и играют самые крохотные роли или просто без слов изображают ангелов на сцене. Ты не знаешь малютки Вали? Вот она.

И Марианна поманила к себе крошечную девочку одного роста с Павликом, такую же прелестную, румяненькую и белокурую, как и он.

– Вот наша Валя, или, как ее называют, m-lle Валерия, – сказала она, целуя малютку. Не правда ли, как она мила?

Валя улыбнулась Лизе и потом, отойдя в сторонку, стала самым серьезным образом помогать Павлику уплетать пастилу. Дети были очень дружны и не разлучались друг с другом ни на минуту.

В какой нибудь час времени Лиза познакомилась со всею труппою. Все дети понравились ей, кроме Мэри, сидевшей в темной комнате, да еще одной девочки, которую звали

Катя, – а в кружке Кэт, – державшейся в стороне от других и показавшейся ей очень важной и гордой. За то один высокий, почти взрослый мальчик лет 15–16 сразу привлек к себе её сердечко своим грустным и добрым видом. Мальчика этого звали Володей. Остальные дети говорили ему «вы», потому что он был много старше их всех. Бедный Володя был калека и упирался согнутым коленом одной ноги на деревяшку. У него было кроткое, болезненное личико, и он казался удивительно привлекательным.

– Как же он может играть без ноги? – с сочувствием глядя на убогого юношу, спросила Лиза у кого-то из своих новых друзей.

– Он не играет. Ведь нельзя же играть на сцене, опираясь на деревяшку, – пояснил ей Витя. – Он сидит в будке впереди сцены и подсказывает нам шепотом то, что надо говорить каждому из нас в пьесе. Он у нас суфлер, т. е. подсказчик. Когда он сидит в будке, то уж никогда никто из нас не может ошибиться.

– А если вы ошибаетесь, – спросила Лиза, – вас наказывают?

– О, да, если зазеваешься и позабудешь, что наступила твоя очередь говорить, или просто не твердо выучишь роль и спутаешься, – с увлечением объяснял мальчик, – г. Томин, наш режиссер, нам этого не прощает. Нас сажают за это в темную и оставляют без обеда. Это очень неприятно.

– А Мэри выпустят сегодня? – робко спросила Лиза.

– Конечно, потому что она должна вечером играть. Тебя наверное наш директор возьмет сегодня в театр, чтобы ты видела, как мы играем.

– Интересно, узнаешь ли ты меня, каким я буду вечером на сцене, – засмеялся Витя, лукаво подмигивая своим друзьям.

– А каким же вы будете? – полюбопытствовала Лиза.

– Я буду волшебником, – важно сказал Витя.

– Волшебником? – спросила с удивлением Лиза.

– Вот смешная девочка, – захохотал Витя, – не думаешь ли ты, что мы играем в театре в наших домашних костюмах? Слушай, я тебе расскажу…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.